

Встреча с Кабуки

ТОЛСТЫЙ канат, только что обвивавшийся вокруг выступа скалы, сброшен матросом на землю. Корабль отчаливает, и кончик каната медленно ползет по земле. Старик с усталым лицом и глазами, которые светятся, как окна дома, где прочно поселилась тоска, не отрываясь, следит за канатом. Канат вот-вот погрузится в море, и вместе с ним уйдет последняя надежда вернуться на родину.

Множенье... прыжок... и старик с отчаянием вливается в последние завитки каната. Сила этого отчаяния такова, что корабль должен был остановиться. Но он уже в открытом море, им управляют стихийные силы природы, которым нет дела до человеческой тоски. Канат выскальзывает из рук, а человек падаёт.

Затем, покинутый, поднимается и, опомнившись, бежит на помост, протянувшийся через зрительный зал. И вы забываете, что действие происходит в театре. Помост («Ханамити» — «дорога цветов») силой актерской выразительности превращается в подлинный причал, с которого старик еще раз хочет взглянуть на удаляющийся корабль.

Как много чувств и мыслей выражают метнувшаяся вперед фигура, тянущиеся к кораблю руки, сохранившие еще ощущение упругой силы каната и через него — ощущение реальной связи с кораблем, и, главное, — глаза, устремленные в одну точку. В этих глазах — и свет последней надежды, и боль наступившего одиночества, и угасающий блеск жизни, потерявшей вдруг главную цель и смысл.

Все дальше и дальше уходит корабль. С причала его уже почти не видно, и старик, теряя последние силы, карабкается на скалу. Он хочет бросить последний взгляд на людей, уплывающих навстречу свободе и счастью. Кажется, что его губы шепчут последнее «прощай».

Эта немая сцена из пьесы «Сюнкан», исполняемая Итикава Энноске, великим актером японского театра Кабуки, вызывает бурный восторг зрителей. Проникновенность актера, глубина его жизни в образе потрясает. Выразительность Энноске равна силе его таланта, сила таланта — силе его трудолюбия и мощи его сценического опыта, накопленного за 68 лет (Энноске начал выступать на сцене Кабуки с пятилетнего возраста).

Итикава Энноске — художественный руководитель и первый актер труппы Кабуки, выступающей сейчас в СССР. В этой труппе — созвездие выдающихся талантов. Если Энноске — несравненный исполнитель мужских ролей, то Накамура Утаэмон с таким же блеском выступает в женских.

В течение тридцати лет Утаэмон играет исключительно женские роли, достигнув в этом своеобразном искусстве, составляющем одну из традиций Кабуки, виртуозного мастерства.

У Энноске и Утаэмона есть целая группа одаренных учеников и коллег. Среди них хочется прежде всего отметить Итикава Сётё, второго исполнителя женских ролей, очень пластичного и тонкого. Дзичукава Эндзиро вместе с Итикава Яодзо в пьесе «Кагоцурубэ» с чисто народным юмором и необычайной меткостью реалистически подмеченных деталей отлично исполняют образы купца и его слуги, впервые попавших в «веселый квартал» столицы. В труппе выделяются танцевальным мастерством и чеканным ритмом движений Итикава Дансиро и Итикава Данко — сын и внук великого Энноске.

Гастрольная программа Кабуки составлена продуманно и разнообразно. Здесь танцевально-пантомимические сцены, воспроизводящие поэтическую образность старинных легенд (пьесы «Рэндзиси» и «Мусме Додзёдзи»). Большое место в программе занимает отрывок из исторической трагедии «Сюнкан», проникнутой духом протеста против бессердечности тиранов и гуманистической идеей служения людям путем самопожертвования. Первый акт из пьесы «Кагоцурубэ» в близком нам реалистическом стиле воспроизводит живые образы обитателей го-

рода и приметы быта его «веселого квартала».

Программа представления позволяет отчетливо понять, как жанр Кабуки, зародившийся в начале XVII века, впитал в себя и своеобразно трансформировал еще более древние виды японского театра — театра Но с его почти ритуальной плавностью и музыкальной торжественностью и Театра марионеток, от которого Кабуки позаимствовал отточенность и завершенность форм.

Конечно, нам, москвичам, трудно постигнуть все тонкости содержания каждой пьесы, ибо искусство Кабуки полно своеобразных условностей, определенных, строго выполняемых форм, мастерство передачи которых и пленяет любителей этого театра в Японии. Тем не менее приезд в СССР Кабуки через 33 года после первого визита снова открывает нам целый мир красок, форм, звуков, ритмов.

Представления Кабуки прежде всего привлекают своей зрелищностью. Трудно описать изящество линий, прекрасные тона и изысканный рисунок женских кимоно или раскрыть в словах неистощимую фантазию, создавшую костюмы легендарных героев и сказочных образов.

Все в этом театре подчинено одной цели — достигнуть максимальной выразительности, максимального воздействия на чувства и воображение зрителей. Средства выразительности Кабуки ищет «между тем, что есть, и тем, чего нет», между действительностью и вымыслом. Этим определяются и простор творческой фантазии, и вместе с тем ее границы.

Кабуки — театр строгих традиций, четко обозначенных приемов выразительности, выработанных поколениями его выдающихся мастеров. Однако связь с народом, желание найти доступ к сердцу зрителей толкают этот театр на поиски новых выразительных средств.

При всей своей условности Кабуки охотно использует возможности чисто реалистического раскрытия психологического состояния героев или воспроизведе-

дения особенностей быта, манеры, поведения. Это проявляется чаще всего в тех случаях, когда действуют простые люди, связанные с народом, совершающие поступки, свойственные обычному, земному человеку, а не какому-либо военачальнику — сверхгерою.

Отсюда и различие в гриме: условный, сделанный по строгим правилам грим-маска у сверхгероев и живое лицо у простолудных.

Реалистическая струя в творчестве Кабуки тесно связана с его демократическими тенденциями. В первые десятилетия нынешнего века виднейшие представители Кабуки изучали опыт европейского театра, в частности Московского Художественного театра, и выступили в качестве инициаторов обновления и развития искусства Кабуки. Итикава Энноске известен не только как хранитель классических традиций, но и как искатель новых возможностей Кабуки, рассчитанных на установление более тесных связей и взаимопонимания с современным зрителем, восприятие и психология которого меняются вместе с развитием страны.

Я думаю, что тот бурный отзвук, который вызвала в московском зрительном зале пьеса «Сюнкан», рожден прежде всего глубиной и силой раскрытия актером Энноске ее демократических и гуманистических идей. Пьеса существует уже около 250 лет, но протест против жестокости диктатора, страстная жажда свободы и счастья, борьба с оружием в руках против приспешника тирана, готовность, наконец, стать выше узкоэгоистического стремления к свободе и бороться за освобождение других — все эти ее мотивы никогда, вероятно, не вызывали такого отклика, как в наше время — время крушения власти диктаторов и освобождения народов.

Мы рады приветствовать Кабуки в Москве: Приезд этого театра в нашу страну — еще одна ступенька в той «дороге дружбы», которая все крепче соединяет культуру народов Японии и СССР.

А. СОЛОДОВНИКОВ